

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

К ВОПРОСУ О СУДЕ НАД МАКСИМОМ ГРЕКОМ*

И. Смирнов

I

Вопрос о суде над Максимом Греком имеет свою литературу и не раз был предметом внимания историков. Достаточно перечислить такие имена, как Филарет¹, Макарий², Голубинский³, — из историков церкви; этим вопросом занимались также Иконников⁴, Дунаев⁵, Ржига⁶, Чернов⁷.

Но результаты этих исследований далеко не равноценны. Большинство авторов, касавшихся вопросов о суде над Максимом Греком, не шло дальше логических рассуждений на тему о совместимости (или несовместимости) характера вины, предъявленной Максиму Греку на суде, с общим обликом греческого монаха как политического и культурного деятеля.

Такая постановка вопроса в значительной степени предопределяла и самое его решение. «Преподобный Максим Грек», конечно, не мог быть замешан в измене московскому великому князю.

Наиболее ярким представителем этой точки зрения в дореволюционной литературе является Е. Е. Голубинский, считающий обвинение, выдвинутое против Максима Грека, настолько нелепыми и клеветническими, что они не нуждаются даже в опровержении: «Два греческих монаха, живущие в Москве, затевают такое дело, как посредством своих

писем к пашам и султану возбудить последнего к войне против великого князя: похоже ли это на что-нибудь сколько-нибудь вероятное? И для чего монахи пожелали бы возбудить султана к войне? Чтобы он завоевал Россию? Но какая бы была монахам польза от этого? и была ли хоть одна не совершенно невозможное было возможно: султан, вовсе не помышлявший о том, чтобы воевать против России, о чём по географическим условиям помышлять ему было бы и совсем нелепо, находился тогда в таких отношениях с великим князем, что письма монахов тотчас же были бы доставлены в Москву. И если бы до такой степени тяжкое обвинение имело хотя бы тень правды, то вместо заточения в монастыри, которому подверглись Максим и Савва, не случилось ли бы того, чтобы они осуждены были на самую ужаснейшую и позорнейшую смертную казнь, какую только можно выдумать? К обвинению, вероятно, подала повод какая-нибудь нелепая клевета, и хотя ему и не верили, но так как нужны были обвинения для комедии суда, то поспешили сказать: давай и его сюда и чем страшнее, тем лучше»⁸.

Позиции Голубинского в вопросе о виновности М. Грека разделяет В. Ф. Ржига. Он, в работе «Максим Грек как публицист», категорически заявляет, что «обвинение Максима Грека в том, что он сносился с турецкими пашами и султаном, с целью поднять султана на великого князя, должно считаться клеветой»⁹. Подобно Голубинскому, и В. Ф. Ржига исходит прежде всего из психологических соображений, не позволяющих ему признать М. Грека виновным в столь аморальных поступках: «Мы не знаем, что ответил Максим суду на политические обвинения, но мы знаем, что в своём «Исповедании веры» он отвёрнул возведённую на него клевету в измене и вражде к русской державе... В искренности этого заявления, как и всего «Исповедания», нет оснований сомневаться»¹⁰.

* Читано в заседании Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР 25 мая 1944 года.

¹ Филарет «Максим Грек». «Москвитянин» № 11 за 1842 год. Статья опубликована анонимно.

² Макарий «История русской церкви». Т. VI.

³ Голубинский Е. «История русской церкви». Т. II. Ч. 1-я.

⁴ Иконников В. «Максим Грек и его время». Киев. 1915. 2-е изд.

⁵ Дунаев Б. «Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в.». 1916. В приложении к исследованию Б. И. Дунаева полностью напечатан текст «Турецких дел» Посольского приказа за 1522—1531 годы.

⁶ Ржига В. «Максим Грек как публицист». Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. Т. I. 1934.

⁷ Чернов С. «К учёному несогласию о суде над Максимом Греком». Сборник статей по русской истории, посвящённых С. Ф. Платонову. 1922; его же «Заметки о следствии по делу Максима Грека». Сборник статей к сорокалетию учёной деятельности акад. А. С. Орлова. 1934.

Главным недостатком позиции Голубинского и В. Ф. Ржиги является то, что в основе всех их рассуждений лежит презумпция невозможности совершения М. Греком аморальных поступков.

Однако В. С. Иконников ещё в 1865 г.

⁸ Голубинский Е. Указ. соч., стр. 71б.

⁹ Ржига В. Указ. соч., стр. 94.

¹⁰ Там же, стр. 95.

занял иную позицию в вопросе о суде над М. Греком. «Конечно, теперь трудно утверждать,— пишет Иконников,— насколько верны обвинения его (М. Грека.— И. С.) в сношениях с турецким правительством, но что они не были лишь клеветой — в этом едва ли можно сомневаться»¹.

Впрочем, точка зрения В. С. Иконникова страдает тем же недостатком, что и взгляды названных выше исследователей. Выводы автора также основаны не на объективном анализе источников и всей исторической обстановки, а определяются чисто субъективно — отношением к личности М. Грека.

Несоменным шагом вперед в историографии о М. Греке явилась работа Б. И. Дунаева «Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в.». Главной заслугой Б. И. Дунаева является то, что он рассматривает деятельность М. Грека и суд над ним в связи с общей политической обстановкой в Русском государстве в 40-х годах XVI в. и, в частности, в связи с русско-турецкими отношениями того времени.

Б. И. Дунаев считает, что наличие тайных сношений М. Грека с Турцией не подлежит сомнению². Однако, правильно поставив вопрос, в позитивной части своего исследования он выдвинул схему, которая не может быть принята. Анализируя мотивы, вызвавшие сношения М. Грека с Турцией, и его деятельность, направленную к «подыманью» турецкого султана на Русское государство, Б. И. Дунаев считает, что в подготовке войны между султаном и Россией М. Грек и его единомышленники видели средство к освобождению греков от турецкого ига. Этот основной тезис Б. И. Дунаева ничем не подтверждается. Он пытается представить Скиндера (грека, турецкого посла в Москве) как главного представителя «греческой идеи» освобождения от турецкого ига. Однако весь характер деятельности Скиндера не даёт никаких оснований видеть в нём заговорщика против турецкого султана, а, напротив, заставляет рассматривать его как доверенное лицо турецкого правительства, имеющее полномочия секретного порядка. Столь же несубедительно звучит утверждение Б. И. Дунаева о том, будто неудача заключения русско-турецкого союза является результатом деятельности «греческой партии» в Константинополе, стремившейся через Скиндера «расстроить столь желанный для русских и столь ненавистный для греков союз русских с турками»³. Действительные причины неудачи переговоров между Турцией и Россией нужно искать совсем в другом.

В ином плане проблема судебного процесса М. Грека рассматривается С. Н. Черновым. С. Н. Чернов внимательно анализирует основные источники по делу М. Грека:

«Судный список»⁴ и «Следственное дело»⁵. Оставаясь строгим историком-источниковедом, С. Н. Чернов не даёт решения вопроса о суде над М. Греком. В первой из своих работ он не разбирает по существу политических обвинений против М. Грека, во второй статье С. М. Чернов как будто склоняется к мысли о том, что «Максим Грек — только несчастная, запутанная жертва политической необходимости»⁶.

Ценность исследований С. Н. Чернова, особенно первой его статьи, заключается в другом: С. Н. Чернов тщательным анализом текста судного списка по делу М. Грека удалось доказать, что политические обвинения против М. Грека были предъявлены ему не на втором суде над ним — в 1531 г., как утверждали историки,— а на собрании 1525 года⁷. Важность этого вывода С. Н. Чернова заключается в том, что он в значительной степени лишает оснований распространённое утверждение, что политические обвинения против М. Грека были придуманы уже задним числом, для подкрепления обвинений его в еретичестве. Тот факт, что процесс М. Грека был начат как процесс политический и уже затем превратился в суд над ним, и по делам церковным, должен заставить более внимательно рассмотреть вопрос о политических обвинениях, предъявленных М. Греку, хотя сам С. Н. Чернов и не сделал этого.

II

Исходным моментом в цепи событий, имевших столь роковой исход для М. Грека, явился приезд в Москву летом 1524 г. посла от турецкого султана, князя Скиндера, грека по национальности. Цель приезда Скиндера, пробывшего в Москве до сентября 1524 г., освещается в источниках очень туманно и противоречиво. При отправке Скиндера из Константинополя русскому послу в Турцию И. С. Морозову было заявлено, что Скиндер едет в Москву для сопровождения русского посла и для покупки в России различных товаров⁸. Но, уже будучи в пути, Скиндер заявил Морозову об изменении характера его поездки: «Присылал ко мне государь мой гонца со многими грамотами, а иду ныне от государя к государю с великими делью»⁹. Тем не менее правительство Василия III не рассматривало его как официального посла. Однако переговоры, которые вёл Скиндер в Москве с представителями правительства, носили политический характер и касались самых основных и острых вопросов русско-турецких отношений, в частности вопроса о Казани и её отношений к Турции и Русскому государству. Кроме того правительство Василия III подозревало Скиндера в том, что он «послан смотреть на Дону ставити город»¹⁰, т. е. связывало его приезд с агрессивными планами Турции по овладению До-

¹ Иконников, стр. 481—482. 1-е изд. Исследование В. С. Иконникова вышло в 1865 году.

² Дунаев Б. Указ. соч., стр. 16 и сл.

³ Там же, стр. 29.

⁴ Статья в сборнике в честь С. Ф. Платонова.

⁵ Статья в сборнике в честь А. С. Орлова.

⁶ Там же.

⁷ Статья в сборнике в честь С. Ф. Платонова, стр. 48—71.

⁸ Дунаев Б. Приложение, стр. 72.

⁹ Там же, стр. 70.

¹⁰ Там же, стр. 77.

ном. Поэтому, в частности, Скиндер был отпущен в Константинополь из Москвы не Доном, как он «просился», а на Путивль¹.

В дальнейшем события развёртываются с калейдоскопической быстротой. Отпущенный в Константинополь Скиндер, будучи проездом в Турцию в Крым, дал ложную информацию крымскому хану Сеадет-Гирею о позиции Василия III по отношению к Турции, изобразив эту позицию как враждебную². Сеадет-Гирей послал в Турцию специальное сообщение о враждебной позиции Василия III, и вслед затем был организован объединённый крымско-турецкий поход на Русское государство³. Донесения Василия III его агентов из Азова объясняют решение Турции и Крыма о войне против России именно ложной, провокационной информацией Скиндера о характере его переговоров в Москве⁴. Есть основания предполагать, что доклад Скиндера Сеадет-Гирею не был только выдумкой о том, что московский великий князь будто бы «лялял» турецкого султана.

В определении позиции Турции и Крыма по отношению к России имела большое значение полная неудача переговоров Скиндера в Москве по основному вопросу — казанскому.

К моменту отправки Скиндера из Константинополя в Москву противоречия России и Турции в вопросе о Казани достигли крайней остроты. Правительство Василия III оправилось от последствий похода на Россию казанского хана Сагиб-Гирея в 1521 г. и, используя благоприятную внешнеполитическую обстановку в связи с обострением феодальной усобицы в Крыму и Астрахани в 1523 г., начало подготовку к новому походу на Казанское ханство. Важнейшим мероприятием в подготовке борьбы против Казани явилась постройка новой крепости в 1523 г. — Васильевска, — долженствовавшей служить исходной базой для походов на Казань.

Активизация казанской политики Василия III вызвала ответные действия со стороны Казани и Крыма. В декабре 1523 г. в Крым прибыл специальный посол от Сагиб-Гирея с требованием немедленно прислать в Казань пушки, пищали и янычар для защиты от Василия III⁵. Обстановка в Крыму не позволила оказать военную помощь Казани в её борьбе с Русским государством. Однако крымский хан обратился к Турции с просьбой оказать давление на Россию, заставить Василия III отказаться от борьбы против Казанского ханства⁶.

Другим мероприятием Сеадет-Гирея яви-

лась посылка им грамоты Василию III с требованием отказаться от борьбы против Казани. В случае принятия этого требования он обещал сохранить дружественные отношения Крыма с Русским государством⁷. Эффективность этих дипломатических акций Крыма была, однако, весьма незначительна, так как правительство Василия III категорически отклонило требования крымского хана о примирении с Сагиб-Гиреем и провозгласило о своём праве «сажать» на Казань ханов⁸.

В связи с создавшейся обстановкой, весной 1524 г. Сагиб-Гирей послал специальное посольство в Турцию. Он формально признал себя вассалом турецкого султана, «заложившись» за него, и объявил Казанское ханство «юртом» Сулеймана I⁹.

Установление вассальной зависимости Казанского ханства от Турции означало для России серьёзное осложнение в её борьбе с Казанью, ибо посылка русского войска на Казань могла теперь рассматриваться турецким султаном как враждебный акт, направленный против Турецкой империи. Установление вассальных отношений Казанского ханства в Турции знаменовало собой поворот в русско-турецких отношениях от дружественных к враждебным. Поворот этот определялся активизацией восточноевропейской политики Турции, которая провозглашением своего протектората над Казанью выражала стремление выступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы. Эта политика Турции неизбежно должна была привести её к столкновению с Русским государством, одной из важнейших задач которого являлось уничтожение татарских государств, возникших на развалинах Золотой Орды и постоянно угрожавших России своими набегами.

Такова была обстановка, в которой вёл свои переговоры в Москве Скиндер. Не удивительно, что эти переговоры были обречены на неудачу. Поэтому, когда Скиндер заявил, что «Сагиб-Гирей царь присылал ко государю нашему сее весны, а заложился за государя нашего: и то юрт государя нашего, и князь бы великий к Казани рати не посылал», то ведший с ним переговоры от имени Василия III Шигона Поджегин с полным спокойствием ответил ему: «Посылал Сагиб-Гирей царь к салтану, — ино то он ведает, а то изначала юрт государя нашего»¹⁰. Спокойствие московского дипломата имело тем большее основание, что к моменту переговоров со Скиндером вопрос о Сагиб-Гирее носил уже в значительной мере академический характер, ибо поход, предпринятый Василием III летом 1524 г., привёл к бегству Сагиб-Гирея из Казани в Крым.

Отчёт Скиндера о его переговорах в Москве должен был показать, что Россия решительно будет бороться против агрессивных намерений Турции. Деятельность Скиндера в Москве, однако, не ограничивалась

¹ Дунаев Б. Приложение, стр. 77.

² Там же, стр. 82.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Малиновский А. «Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1573 г.». Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V, стр. 240. 1863.

⁶ Там же, стр. 240.

⁷ Там же, стр. 241.

⁸ Дунаев Б. Приложение, стр. 76.

⁹ Там же, стр. 77.

¹⁰ Там же.

одними дипломатическими переговорами с представителями русского правительства. Своё пребывание в Москве он, повидимому, использовал для собирания материалов о внутреннем положении Русского государства и для установления связей с враждебными правительству Василия III княжеско-боярскими кругами. Эта сторона деятельности Скиндера в Москве, естественно, была наиболее конспиративной и поэтому труднее всего поддаётся учёту и характеристике. Тем не менее вряд ли можно сомневаться в наличии связей Скиндера с княжеско-боярской оппозицией в Москве и в его осведомлённости о позиции княжеско-боярских кругов по отношению к восточной политике Василия III. Княжеско-боярские круги были недовольны активной политикой Василия III на Востоке. Это недовольство находило выражение в резкой критике внешней политики и в других, более острых формах борьбы.

Наблюдения Скиндера за внутренней обстановкой в Русском государстве, несомненно, вошли в его отчёт о поездке в Москву. Таким образом, из отчёта Скиндера складывалось впечатление, что налицо была исключительно благоприятная обстановка для нападения на Русское государство, ослабленное походом на Казань и острой внутривнутриполитической борьбой.

В свете полученной от Скиндера информации решение крымского правительства о походе на Русское государство, равно как и решение Турции о поддержке этого похода были попыткой использовать благоприятную конъюнктуру для нанесения решительного удара России.

Широко задуманный крымско-турецкий план нападения на Русское государство был, однако, сорван новым взрывом феодальных усобиц в Крыму, в результате которых Сеадет-Гирей, уже начавший свой поход на «украины» Русского государства, оказался перед необходимостью сменить завоевательные планы против России на борьбу за сохранение собственной власти, что надолго парализовало агрессивную политику Крыма.

Такова была та внешнеполитическая и внутривнутриполитическая обстановка, на фоне которой разыгрались события, связанные с делом М. Грека.

III

Судебный процесс Максима Грека происходил в один год с другим крупнейшим политическим процессом времени Василия III — судом над И. Н. Берсенем-Беклемишевым.

Трудности изучения этих процессов заключаются в том, что оба они известны лишь по сохранившимся отрывкам следственных дел¹ и по кратким записям некоторых

¹ Отрывок следственного дела И. Н. Берсеня-Беклемишева напечатан в томе I Актов Археологической экспедиции (ААЭ № 172). Материалы о суде над М. Греком были опубликованы О. Бодянским в «Чтениях Общества истории и древностей российских» № 7 за 1847 г. под заглавием «Список с судного списка. Прэние Даниила, митрополита московского и всеа Руси, со иноком Максимом Святогорцем». Характеристику

летописей. Суд над М. Греком стоял в непосредственной связи с судом над Берсенем-Беклемишевым. Повидимому, дело началось с ареста М. Грека и Саввы — другого монаха-грека, архимандрита Новоспасского монастыря, — в начале декабря 1524 года. Затем последовал арест, суд над Берсенем-Беклемишевым и Ф. Жареным, следствие же по делу М. Грека затянулось и закончилось лишь к лету 1525 г. осуждением его на соборах в апреле и мае этого года.

Датировка событий, связанных с процессами М. Грека и Берсеня-Беклемишева, затрудняется противоречивыми показаниями источников. Начало дела М. Грека (декабрь 1524 г.) устанавливается из показания Берсеня-Беклемишева. Ф. Жареный опрашивал его о том, какие показания следует давать о М. Греке «против Николы, а Максима уже изымали»². Иными словами, М. Грек был арестован ещё до «зимнего Николы», т. е. до 6 декабря 1524 года. Что касается времени суда над Берсенем-Беклемишевым и М. Греком, то летописные данные находятся в противоречии с данными судного списка по делу М. Грека.

По Типографской летописи, суд над обоими обвиняемыми был в одном месяце (без указания в каком, но между январём и июлем 1525 г.), причём собор, на котором обсуждался вопрос о М. Греке, предшествовал суду над Берсенем-Беклемишевым: «Того же месяца бысть у великого князя собор... на Максима Грека... и послаше Максима в Осифов монастырь в заточение... Того же месяца князь великий ополелся на Ивана на Берсеня на Никитина сына на Беклемишева в том же деле и велел его казнити смертною казнию»³. Если можно не придавать особого значения формуле «того же месяца», то во всяком случае известие Типографской летописи вполне определённо устанавливает, что суд над М. Греком был до суда над Берсенем-Беклемишевым и последний был осуждён «в том же деле», что и М. Грек. Но летописец Синодальной библиотеки № 365, цитированный Карамзиным, относит казнь Берсеня-Беклемишева к зиме 1525 г.: «Тоя же зимы велел князь великий казнити боярина своего Берсеня-Беклемишева»⁴. Показания Синодального летописца находятся в соответствии с данными следственного дела о Берсене-Беклемишеве, допрос которого происходил в феврале 1525 года. Таким образом, все вышеприведённые данные заставляют отнести суд над М. Греком к самому началу 1525 года. С этим выводом, однако, находится в противоречии датировка соборов, на которых обсуждался вопрос о М. Греке. В судном списке эти соборы относятся к апрелю и маю 1525 года. Если верить судным спискам, то придётся

погрешностей издания Бодянского и поправки к нему см. в статье С. Н. Чернова «К учёным несогласиям о суде над Максимом Греком».

² ААЭ. Т. I. № 172.

³ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXIV, стр. 222.

⁴ Карамзин Н. «История государства российского». Т. VII, прим. 335.

допустить, что весенние соборы, на которых стоял вопрос о М. Греке, имели место уже после его осуждения и заточения. Впрочем, текст судного списка позволяет именно так рассматривать его даты, говоря сначала о «взыскании и соборах на Максима и на Савву у великого князя на дворе в полате» (это, повидимому, и был тот собор в начале 1525 г., о котором говорится в Типографской летописи), а затем указывал на то, что «также потом соборы многие были у митрополита в полате его лета 7033, на того Максима о тех улах, которые прибыли и взыскашася, месяца апреля и месяца мая»¹. Таким образом, апрельские и майские соборы явились результатом обвинения М. Грека в новых преступлениях, которые были установлены позднее («прибыли») и, повидимому, касались по преимуществу церковных дел («хулы»), так как в отличие от первого процесса эти соборы происходили не в великокняжеских палатах, а у митрополита.

Для понимания характера обоих процессов 1525 г. исключительное значение имеет известие Типографской летописи о том, что Берсень-Беклемишев был привлечён к суду «в том же деле», что и М. Грек. Это сообщение летописи подтверждает и основной источник по делу Берсения-Беклемишева — следственное дело о нём и его сообщниках. По словам самого Берсения, после ареста М. Грека к нему (Берсеню) обращались его единомышленники за указаниями о том, как следует давать показания по делу М. Грека. Наконец, главное внимание следственных властей в суде над Берсением-Беклемишевым было обращено на установление характера взаимоотношений между Берсением-Беклемишевым и М. Греком. Из того, что Берсень-Беклемишев и М. Грек были привлечены к ответственности по одному и тому же делу (Опись царского архива XVI в. прямо объединяет материалы суда над М. Греком и Берсением-Беклемишевым в одно дело: «Списки старца Максима и Саввы Греков и Берсеневи и Федка Жареново»²), следуют весьма важные выводы как для понимания существа дела Берсения-Беклемишева, так и для выяснения характера обвинений против М. Грека. Последнее обстоятельство особенно важно, ибо единство обвинений как Берсения-Беклемишева, так и М. Грека, при очевидном политическом характере дела Берсения, не позволяет трактовать дело М. Грека как церковное по преимуществу, к которому лишь в порядке «клевветы» были присоединены и обвинения политического порядка. Казнь такого видного политика, как И. Н. Берсень-Беклемишев, и жестокое наказание его единомышленников, осуждённых «в том же деле», что и М. Грек, и привлечённых к ответственности по материалам следствия над М. Греком, показывают, сколь серьёзно расценивало правительство характер политических обвинений, предъявленных Берсеню-Беклемишеву в одном деле с М. Греком. Это заставляет со всей серьёзностью

отнестись к политическим обвинениям, предъявленным М. Греку, и разобрать их по существу.

IV

С. Н. Чернов в своём исследовании о судном списке дела М. Грека убедительно доказал, что относившиеся обычно ко второму суду над М. Греком в 1531 г. политические обвинения против него в действительности были предъявлены ему на соборе 1525 года³. Однако перечень этих обвинений сохранился лишь в составе речи митрополита Даниила, произнесённой на соборе 1531 года.

Обвинения эти следующие: «Митрополит Максиму говорил: пошли естя от Святыя Горы и от Турского державы ко благочестивому и христолобивому государю царю и великому князю Василью Ивановичу милостыни ддя, и государь вас жаловал милостынями и всем изобилием и многия дары посылал в ваши монастыри и честию великою почел; а вам было за государя бога молити и за всю его благочестивую державу о здравии и о спасении и о одолении на враги его. И вы с Саввою, вместо благих, великому князю злая умышляли, и совещали и посылали грамоты к Турским пашам и к самому Турскому царю, подымая его на благочестивого и христолобивого государя и великого князя Василья Ивановича всея Руси и на всю его благочестивую державу. Да вы же говорили: ратует князь великий Казань да неколи ему будет и сором: Турскому ему не молчати. Да вы же ведали Искандера Турского посла советы и похвалы, что хотел подымати Турского царя на государя великого князя и на всю его державу. Да ты, Максим, то ведал, а государю великому князю и бояром его не сказал. Да ты же говорил многим людем: быти на той земле Рустей султану Турскому, занеже салтан не любит сродников Царегородских царей, а князь великий весь (!) Василей внук Фомы Амарейского. Да ты же, Максим, великого князя называл гонителем и мучителем нечестивым, как и прежние гонители и мучители нечестивые были. Да ты же, Максим, говорил: князь великий Василей выдал землю крымскому царю, а сам изробев победжал — от Турского. Ему как не бежати? Пойдёт Турской, и ему либо карачь дати, или бежати»⁴.

Рассмотрению содержания обвинений, предъявленных М. Греку, следует предположить два замечания текстологического характера. В речи митрополита Даниила греческим монахам инкриминируются враждебные разговоры, в частности такая речь: «Ратует князь великий Казань да неколи ему будет и сором: Турскому ему не молчати». Это не вполне ясное место по-разному толковалось исследователями. В. С. Иконников

³ Следует заметить, что В. Ф. Ржигга продолжает стоять на традиционной точке зрения отнесения политических обвинений против М. Грека к собору 1531 г. (Ржигга. Указ. соч., стр. 90).

⁴ «Чтения Общества истории и древностей российских» № 7 за 1847 г., стр. 4—5.

¹ «Чтения Общества истории и древностей российских» № 7 за 1847 г., стр. 11.

² ААЭ. Т. 1, № 289 («Ящик 27»).

переводит его словами: «Ратует великий князь Казань, да его не будет и турецкий царь сраму не потерпит»¹. Этот перевод, однако, не может быть признан удовлетворительным прежде всего потому, что текст остаётся логически непонятным. Кроме того слово «неколи» нельзя перевести как «не будет». С. Н. Чернов передаёт данный текст следующим образом: «Турской» не будет герпеть «сором» казанских «ратей» великого князя². Я не вижу возможным согласиться и с интерпретацией С. Н. Чернова. В тексте источника «сором» безусловно относится не к султану, а к великому князю. Мне представляется правильным нижеследующая расшифровка текста. Слово «неколи»=некогда, когда-нибудь. Местоимение «ему», дважды содержащееся в рассматриваемой фразе, в первом случае, безусловно, относится к великому князю; очевидно, и второе «ему» подразумевает великого князя. Тогда вторая половина фразы может быть переведена так: турецкий султан не будет молчать великому князю, иными словами, не смолчит на действия великого князя, ответит на них; в результате, так может быть понята первая половина фразы: великого князя когда-нибудь ждёт сором.

Специального текстологического разбора гробует и последнее по счёту обвинение, предъявленное М. Греку. В издании Бодянского, опубликовавшего судный список по делу М. Грека, интересующий нас текст передан следующим образом: «Князь великий Василий выдал землю крымскому царю, а сам изробев побежал от Турского. Ему как не бежати? Пойдёт Турской, и ему либо карачь дати, или бежати».

Все исследователи (включая С. Н. Чернова и В. Ф. Ржигу) брали этот текст именно так, как он напечатан Бодянским. Между тем в таком виде он логически непонятен и исторически неясен. Непонятно, как мог великий князь, отдав землю крымскому хану, бежать от турецкого султана. Неясно, какое событие имеется здесь в виду, так как случаи бегства Василия III от турецкого султана неизвестны. Голубинский поэтому, исходя из неясности текста обвинения, пытался доказать его необоснованность: «Обвинение это непонятно, а именно — не видно в нём, к кому относится, «а сам, испугавшись, побежал», — к великому князю или хану. Если к великому князю, то мы вовсе не можем указать случая, который бы разумелся. Если к хану, то обвинение нужно понимать так: Максим смеялся над великим князем, что он выдал свою землю крымскому хану, а, напротив, последнего, когда этот побежал от султана, старался оправдывать» и т. д.³ Комментарий Голубинского может служить примером того, что даже очень крупный учёный может стать жертвой ошибки, вытекающей из пользования недостаточно тщательно изданным текстом. В самом деле, «неясность» рассматриваемого текста — ре-

зультат неверной пунктуации, употреблённой в издании Бодянского, разбившего не на месте поставленной точкой единое предложение на два. При устранении ошибочной пунктуации Бодянского текст примет следующий вид: «Князь великий Василий выдал землю крымскому царю, а сам, изробев, побежал — от Турского ему как не бежати» и т. д. При таком чтении текст обвинения делается понятным логически и достоверным исторически. По утверждению обвинения, М. Грек говорил, что если великий князь выдал свою землю крымскому хану и бежал от него (имеется в виду 1521 г., когда Василий вынужден был дать хану Сагиб-Гирею грамоту с обязательством платить дань), то тем более следует ожидать этого в случае нашествия более сильного противника — турецкого султана.

Обращаясь теперь к рассмотрению содержания обвинений, предъявленных М. Греку, их существо можно формулировать так: М. Грек обвинялся в том, что он, находясь в Москве, был тайным турецким агентом и стремился вызвать войну между Турцией и Россией, что он посылал грамоты султану и турецким властям, что он поддерживал враждебную деятельность в Москве турецкого посла Скиндера и способствовал его намерениям «поднять» султана на Русское государство своими заявлениями о вероятности нашествия турецкого султана на Россию и об исключительно благоприятной для такого нападения обстановке в Русском государстве, которая могла гарантировать успех туркам в их походе на Русскую землю.

Вопреки мнению ряда историков, считавших обвинения М. Грека в сношениях с Турцией клеветой, следует признать вполне вероятным, что такие сношения имели место. Сделанный выше обзор русско-турецких отношений показывает достаточно ясно, насколько далека от действительности идиллическая картина, нарисованная Голубинским, объявлявшим абсурдной самую мысль о возможности войны Турции против России и допускаям, что султан выдал русскому правительству секретные письма из России (в случае, если кому-нибудь пришла в голову идея сообщить султану что-либо предосудительное о России). На самом деле события, связанные с именем М. Грека, развернулись именно в канун войны, готовый вспыхнуть между Турцией и Россией. Столь же решительно должна быть пересмотрена и характеристика Голубинского, касающаяся деятельности М. Грека и его друзей в Москве.

Политические связи М. Грека с враждебными правительству Василия III княжеско-боярскими кругами, вскрытые процессом Берсеня-Беклемишева, свидетельствуют о неправомерности трактовок М. Грека как учёного-богослова, далёкого от мирской суеты и стоящего вне политики. Наконец, принадлежность М. Грека к греческой национальности сама по себе вовсе не являлась иммунитетом против возможности службы его у турок. Грек Скиндер в роли турецкого посла и одновременно секретного агента султана — достаточно яркий пример того, что греки-христиане могли быть должностными лицами у «неверного» султана.

¹ Иконников В. Указ. соч., стр. 465.

² Статья в сборнике в честь Платонова, стр. 59.

³ Голубинский Е. Указ. соч., стр. 717.

Таким образом, реальная действительность XVI в. исключает возможность априорного провозглашения клеветой обвинений, предъявленных М. Греку. Напротив, можно привести ряд соображений и данных, если и не дающих возможности полностью проверить каждое из обвинений, во всей их конкретности, то, во всяком случае, позволяющих перенести бремя доказательств с плеч сторонников виновности М. Грека на плечи его апологетов.

Ещё В. И. Дунаев привёл значительную аргументацию, обосновывающую обвинения, предъявленные М. Греку. В частности им было обращено внимание на данные, содержащиеся в описи царского архива XVI века¹. В описи отмечено, что в архиве хранились «грамоты греческие посольные», взятые «у Савы, архимандрита Спасского бывшего». Трудно сказать, что представляли собой эти «грамоты греческие посольные», изъятые у Савы, но самый факт их обнаружения у единомышленника М. Грека свидетельствует о том, что греческие монахи из Москвы вели политическую переписку с границей, и, следовательно, правительство Василия III могло узнать содержание этой переписки через своих агентов или путём захвата писем.

Б. И. Дунаев привёл и другой важнейший материал в пользу доказательства наличия связей М. Грека с турецким правительством. В число дел, которыми должен был заниматься в Москве Скиндер, входили также и переговоры о греке-лекаре Марке, отпустить которого в Турцию Сулейман I просил Василий III². Турецкое правительство, таким образом, было прекрасно осведомлено о греках, живших в Москве, и имело с ними сношения. В этой связи особый интерес приобретает показание Поссевино о том, что Максим Грек, «несмотря даже на энергичные настояния турецкого императора, так и не мог освободиться от заключения, где, говорят, и окончил дни»³.

Принимая во внимание исключительную осведомлённость Поссевино в московских делах, в том числе и секретного порядка, — напомним известный рассказ Поссевино об обстоятельствах убийства Иваном Грозным сына — следует с большим вниманием относиться к его свидетельству о настойчивых требованиях турецкого султана освободить М. Грека. Эта настойчивость свидетельствует о заинтересованности турецкого правительства в судьбе М. Грека.

Таким образом, наличие связей М. Грека и Савы с турецким правительством представляется несомненным. Конечно, эти связи могли быть только враждебного характера для Русского государства хотя бы уже потому, что они были связями конспиративными. Обвинения, предъявленные М. Греку в

1525 г., свидетельствуют о том, что М. Грек в своих сношениях с турецким правительством занимал активно враждебную позицию по отношению к Русскому государству, сообразил, повидимому, о благоприятной обстановке для похода на Россию. Это и было квалифицировано в обвинительных материалах как стремление М. Грека «поднять» султана на Русскую землю.

Что касается второго обвинения, предъявленного М. Греку — о связях со Скиндером, — то эти связи несомненно, с особой наглядностью они вырисовываются из показаний самого М. Грека о том, что Берсень-Беклемишев именно у него пытался узнать, «почто сюда Турецкого посол Искндер пришёл». Правда, М. Грек, по его словам, ответил, что не знает целей посольства Скиндера, но тут же сообщил: «Слышу, что с ним деньги султановы, купить что будет потребная»⁴. Он совершенно точно передал официальную цель приезда Скиндера.

Не менее обоснованно выглядят и обвинения, предъявленные М. Греку по поводу его враждебной оценки существовавшего в тот момент положения в Русском государстве. Расценивая эту обстановку как благоприятную для нападения султана на Русскую землю, М. Грек исходил прежде всего из факта наличия войны между Русским государством и Казанью. По мнению М. Грека, турецкий султан не мог молча смотреть на военные действия московского великого князя против Казани. Из этого М. Грек делал вывод, что московского великого князя в его войне с Казанью рано или поздно ожидает «сором» от вмешавшегося в эту войну султана. Возможность же успешного отпора нашествию турецкого султана М. Грек отрицал, ссылаясь на события, имевшие место в 1521 году.

По мнению М. Грека, если Василий III в 1521 г. «выдал землю крымскому царю, а сам изробев побежал», то это тем более будет иметь место при походе на Россию султана: «от Турского ему как не бежати? Пойдёт Турской, и ему либо карачь дати, или бежати». Если учесть, что эти высказывания М. Грека имели место в 1524 г., в момент подведения итогов неудачного в военном отношении похода на Казань и всего три года спустя после разрушительного похода крымцев и казанцев на Москву, то следует признать, во-первых, что М. Грек правильно оценил момент как исключительно благоприятный для нападения Турции на Русское государство; во-вторых, совершенно очевидно, насколько вредна была такая деятельность М. Грека для интересов Русского государства и каким серьёзным политическим преступлением должно было считать правительство Василия III подобного рода высказывания М. Грека.

Особо опасной с точки зрения правительства Василия III была деятельность М. Грека, заключающаяся в его связях с враждебными Василию III княжеско-боярскими кругами. В свете установленных фактов сношений М. Грека с турецким правительством и его близости с турецким послом эти связи

¹ См. Дунаев В. Указ. соч., стр. 16.

² Там же, стр. 13—14.

³ Поссевино А. «Московия», стр. 1. Перевод С. А. Аннинского. Благодаря любезному разрешению покойного С. А. Аннинского, я имел возможность использовать в рукописи его ещё не вышедшую в свет работу.

⁴ ААЭ. Т. I, № 172.

становились особенно криминальными, так как давали возможность Турции ознакомиться с внутренней борьбой в Русском государстве, наличие которой всегда тщательно скрывалось московскими государями от иноземных государей. Опасность связей М. Грека с княжеско-боярской оппозицией усиливалась тем, что недовольство княжеско-боярских кругов правительством Василия III в особо резкой форме проявлялось именно в вопросах внешней политики, и в первую очередь — восточной политики: «Ныне отсюды брани, ни с кем нам миру нет, ни с Литовским, ни с Крымским, ни с Казанью, все нам недрузи, а за наше нестроение»¹.

Боярские политики, резко осуждая правительство Василия III, весьма сочувственно относились к некоторым сторонам политики турецкого султана. Следственные материалы по делу Берсеня-Беклемишева сохранили такой диалог между М. Греком и Берсением-Беклемишевым, в изложении М. Грека: М. Грек, по его словам, дал резко отрицательную характеристику турок: «Цари у нас злочестивые, а у патрярхов и митрополитов в суд не вступаются». На что Берсень-Беклемишев ему заметил: «хоти у вас цари злочестивые, а ходят так, ни у вас еще бог есть»². Само собой разумеется, что ортодоксальная позиция М. Грека, какой она выступает в процитированном отрывке из его показаний на следствии, может свидетельствовать лишь о стремлении М. Грека всеми средствами оправдаться от возведённых на него обвинений — и только. Но из показаний М. Грека вопреки его желаниям с несомненностью выступает, что вопросы внешней политики, и в частности турецкий вопрос, были предметом бесед в его келье.

Борьба княжеско-боярской оппозиции против внешней политики Василия III была расценена московским правительством как тяжчайшее преступление, и виновные в нём подверглись карам. На первый взгляд, однако, может показаться, что форма наказания М. Грека (заключение в монастырь) находится в несоответствии с тяжестью предъявленных ему обвинений. Голубинский даже видит в этом доказательство того, что само правительство Василия III не верило в серьёзность обвинений против М. Грека: «Если бы до такой степени тяжёлое обвинение имело бы хоть тень правды, то вместо заточения в монастырях, которым подверглись Максим и Савва, не случилось ли бы того, чтобы они осуждены были на самую ужаснейшую и позорнейшую смертную казнь, какую только можно выдумать»³.

С такой оценкой приговора по делу М. Грека, однако, согласиться никак нельзя. Прежде всего казнь М. Грека и Саввы была бы чревата для московского правительства весьма серьёзными осложнениями внешнеполитического порядка, ибо оба монаха были турецкими подданными и их казнь могла бы вызвать протест со стороны турецкого пра-

вительства. Кроме того применение такого наказания, как смертная казнь, к представителям церкви было вообще весьма сложным и нежелательным делом. Но, отказавшись от применения к обвиняемым грекам смертной казни, которой были подвергнуты русские участники процессов 1525 г., правительство Василия III постаралось надёжно изолировать М. Грека от каких бы то ни было связей с внешним миром, покрыв его дальнейшую судьбу строжайшей тайной для современников. В насколько секретной обстановке проходил процесс М. Грека и как тщательно скрывало правительство Василия III место его заключения, можно видеть из того, что даже столь осведомлённый наблюдатель, как Герберштейн, бывший в Москве на другой год после суда над М. Греком и специально интересовавшийся его делом и судьбой, рассказывает совершенно фантастические вещи и о процессе М. Грека и о его исходе. По словам Герберштейна, вина М. Грека состояла в том, что он после проверки русских богослужебных книг, «заметив много весьма тяжких заблуждений, объявил лично государю, что тот является совершенным схизматиком... когда он сказал это, то (хотя государь оказывал ему великое благорасположение) он, говорят, исчез и, по мнению многих, его утопили»⁴. Таким образом, Герберштейн превратил М. Грека из обвиняемого в еретических поступках в обвинителя и кроме того оказался в полном заблуждении в вопросе о действительной судьбе М. Грека. Рассказ Герберштейна может служить лишь лишним доказательством того, насколько серьёзно рассматривало правительство Василия III дело М. Грека.

В свете всего изложенного выше особое значение и ценность приобретают новые материалы о суде над Максимом Греком, содержащиеся в опубликованном М. Н. Тихомировым летописном отрывке. Делу Максима Грека у этого летописца посвящена специальная статья. Необходимо привести её целиком: «О греках. Того же лета («7033». — И. С.) князь великий Василей Иванович всеа Руси довел на Спасское архимандрита на Саву на Грека да на Максима на философа измену, посылали грамоту да и поминки железца стрелные к паше к туреткоуму, а велели ему итти воевати украин великого князя. А Даниил Митрополит всеа Руси с священным собором довел на них ересь. Да с ними же были в совете Иван Берсень Беклемишев да Петр Муха Карпов да Федко Жареной. И сказали на соборе во всем виноваты. Государь же над греки показал милость, Саву послал в заточенье в обитель Пречистыя на Возмища, а Максима в Сифов (т. е. Иосифов Волоколамский монастырь — И. С.), а келейника их в Афонасаа в Пафнутьева. А Берсеня велел казнити главною казнию, а Муху велел в темнице заключити, а Жареному велел язык вырезати»⁵.

⁴ Герберштейн С. «Записки о московских делах», стр. 85. Перевод А. И. Маленна. 1908.

⁵ Тихомиров М. «Новый памятник московской политической литературы XVI в.». Сборник «Московский край в его

¹ Слова Берсеня-Беклемишева. ААЭ. Т. I, № 172.

² Там же.

³ Голубинский И. Е. Указ. соч., стр. 716.

Прежде чем перейти к рассмотрению приведённого текста по существу, следует остановиться на вопросе о происхождении данного известия. Сделать это тем более необходимо, что выяснение происхождения летописца, в котором содержится приведённая статья о М. Греке, объясняет и содержание этого известия. Касаясь вопроса о происхождении опубликованного им летописца, М. Н. Тихомиров приходит к выводу, что он составлен в Пафнутиевом Боровском монастыре, относя время его написания к периоду между 1526—1530 годами¹.

Мнение М. Н. Тихомирова о происхождении данного летописца следует признать верным, причём доказательство в его пользу можно усилить. Дело в том, что как раз в Пафнутиевом Боровском монастыре был заключён один из участников дела Максима Грека, его келейник Афанасий. Именно от него и мог получить автор летописца сведения о суде над М. Греком, содержащиеся в данном летописце. Если признать правильным предположение, что источником для рассказа о деле М. Грека в летописце Боровского монастыря послужил рассказ Афанасия, то это, во-первых, объясняет исключительную подробность и конкретность данного рассказа по сравнению с рассказами других летописей, а, во-вторых, заставляет признать высокую степень достоверности известия, содержащегося в данном летописце. Лаконичные записи Типографской летописи и Синодального летописца, глухо упоминающие о суде над М. Греком и Берсением-Беклемишевым, не раскрывая содержания процесса, объясняются, конечно, секретным характером суда над М. Греком. Напротив, летописатель Пафнутиева Боровского монастыря имел возможность получить сведения о процессе М. Грека, можно сказать, из первых рук — от одного из непосредственных его участников. Вместе с тем по своему своему характеру монастырский летописец — источник несравненно менее тенденциозный, чем официальные летописные своды, в которых изложение событий подчинено определённой политической схеме. Тем достовернее, сле-

прошлом». Ч. 2-я, стр. 112. 1930. Как указывает М. Н. Тихомиров, честь открытия данного памятника принадлежит М. Н. Сперанскому.

¹ Тихомиров М. «Новый памятник московской политической литературы XVI в.». Сборник «Московский край в его прошлом». Ч. 2-я, стр. 106—107. Эта датировка — лишнее подтверждение правильности выводов С. Н. Чернова о времени, к которому следует относить политические обвинения против М. Грека.

довательно, данные рассматриваемого текста. Эти данные целиком подтверждают правдоподобность обвинений против М. Грека. Они в полном соответствии с содержанием речи Даниила, в которой он обвиняет М. Грека и Савву в том, что они «посылали грамоты к турским пашам и к самому турецкому царю, подымая его» на «державу» Василия III. Летописец Боровского монастыря также сообщает, что М. Грек и Савва «посылали грамоту к паше турецкому, а велели ему ити воевати украин великого князя». Упоминание о каких-то «железцах стрелных», посылавшихся в качестве «поминок» турецкому паше, своей конкретностью ведёт прямо к живому свидетелю этих сношений греческих монахов с Турцией. Рассказ Боровского летописца подтверждает и непосредственную замешанность в турецких делах Берсения-Беклемишева, прямо говоря о том, что Берсень-Беклемишев был «в совете» с греками. Заключение М. Грека и Саввы в монастырских тюрьмах летописец определяет как «милости» государя по отношению к грекам-монахам. Реальные мотивы этой «милости» отмечены выше. Самое же истолкование тюремного заключения М. Грека и Саввы как «милости» подчёркивает, что по тяжести предьявленных им обвинений им могла угрожать та же «главная казнь», что и Берсению-Беклемишеву.

Самым важным, однако, известием, содержащимся в летописце Боровского монастыря, является сообщение о том, что М. Грек и другие участники процесса признали себя виновными, «сказали на соборе во всем виноваты». Если это известие соответствует действительности, то оно лишней раз убеждает в реальном характере обвинений М. Грека.

Таким образом, опубликованный М. Н. Тихомировым текст окончательно решает вопрос о суде над М. Греком, устраняя возможность трактовки «Судного списка» как недостоверного источника².

² Пересмотр вопроса о суде над М. Греком должен, конечно, в какой-то степени отразиться и на общей характеристике и оценке личности и деятельности М. Грека. Это, однако, отнюдь не означает, что вся деятельность М. Грека должна рассматриваться в плане выполнения им тайных поручений турецкого правительства. Вопрос, конечно, гораздо сложнее. И если даже допустить, что до 1525 г. определяющим фактором в поведении М. Грека были его константинопольские связи (как со двором патриарха, так и с турецким правительством), то последующая деятельность М. Грека может быть понята лишь на фоне политической борьбы внутри русского общества XVI в. и, в частности, борьбы идеологической.